

Алексей Загуляев

280 866

Простые истории

История вторая

Муж напрокат

Алексей Николаевич Загуляев

Муж напрокат

Серия «Простые истории», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69841036

SelfPub; 2023

Аннотация

Прикованный к инвалидной коляске Павел отправляет жену со своим другом на отдых к морю, сам на это время оставаясь на попечении соседки. Но дальнейшие события начинают разворачиваться не так, как он ожидал: всплывают неожиданные события прошлого, настоящее оказывается не таким, каким казалось ещё вчера, а будущее и вовсе грозит полностью изменить его жизнь. Второй рассказ из цикла "Простые истории".

Алексей Загуляев

Муж напрокат

Павел, как обычно, встал рано, в половине седьмого. Аккуратно, чтобы не разбудить жену, перебрался в своё инвалидное кресло, сгрудил на коленях одежду и укатил в ванную. Весь этот ритуал он повторял уже седьмой год, с самого первого дня, когда они поженились и въехали в новенькую двухкомнатную квартиру в пятиэтажке недалеко от Сокольников. Городской спортивный комитет по старой памяти о былых Пашкиных заслугах подсуетился и выбил для него льготную ипотеку, оплатив к тому же и первоначальный взнос. Для Павла это стало сюрпризом. Для городского комитета – способом отчитаться перед начальством, лишний раз доказав небесполезность своего существования и по назначению потратив остатки бюджетных средств перед отчётным периодом. Пришлось, правда, Павлу засветиться пару раз на местном кабельном телевидении, отработывая свою удачу. Но в немногословных речах своих он был вполне искренен. По-другому он и не умел, наивно полагая, что комитет и впрямь помнит о том, как десять лет тому назад он выигрывал во славу его областные соревнования по плаванию. Разумеется, комитету было на это не то чтобы наплевать, но всё же и не в том состоянии были у него кадры, чтобы могли помнить, что было при совершенно других людях, которые

за десять лет раза четыре успели сменить свой состав. Тем не менее была одна вещь, о которой приходилось помнить всем. Не могли не держать этого в голове, поскольку амбициозная молодёжь, мечтающая о блистательном спортивном будущем, должна была прежде проплыть стометровку быстрее, чем проплывал её когда-то Павел Сапаров. Областной рекорд до сих пор принадлежал ему, и никто даже близко не мог к этому времени подобраться.

Павел побрился, почистил зубы, оделся и проследовал на кухню, чтобы успеть приготовить завтрак. В половине восьмого прозвенит будильник, проснётся жена и начнётся новый день его хоть и однообразной, но вполне себе уютной и почти ничем не отличающейся от других жизни.

Завтрак был примитивен: луковая пережарка, рваный сырный лаваш и три яйца перемешивались – и получалось что-то вроде омлета. Маша его обожала, потому что обычный омлет организм её не принимал, что-то не так было с усвоением лактозы. И Павел был рад, что может порадовать супругу таким бесхитростным блюдом. Сам он в еде был неприхотлив. Пока жена была на работе, он готовил для себя простецкий обед, чаще всего состоящий либо из пельменей, либо из ухи со скумбрией или с консервированными бычками в томате. Такое для Маши было уже не комильфо, и потому она предпочитала обедать в кафе, которое располагалось на первом этаже в том же самом здании, что и туристическое агентство, где она работала. Ужин она готовила дома

сама. И это всегда была гастрономическая сказка для Павла. Готовить Маша умела. Правда, в последнее время делала это всё реже, сначала через день, а потом и вовсе раз в три-четыре дня. Павел и к этому легко привык. Неприхотливость его выходила далеко за рамки кулинарии. Маша не интересовалась, голоден он или нет, а он не спрашивал, почему её вечернее колдовство у плиты стало таким редким. Он и себе старался не задавать лишних вопросов. Если жизнь меняется хоть в чём-то, пусть даже в таких мелочах, значит они не ходят по кругу, а двигаются куда-то вперёд.

Павел услышал, как прозвенел в спальне будильник. Минут через десять вошла Маша, слегка помятая после сна, но от этого не менее милая. Такой мог видеть её только он, будто бы обладал тайной, никому, кроме него, недоступной. Маша поцеловала его в губы и проворковала:

– Привет.

– Привет, – ответил ей Павел, раскладывая по тарелкам завтрак.

– Снега навалило. – Маша раздвинула на окне шторы.

Поток холодного воздуха ощутимо обдал Павла, так что по спине побежали мурашки.

– Какая мерзость, – добавила Маша. – Брр, – и передёрнула плечами.

– Середина ноября, – заметил Павел и поставил на газ чайник. – Ничего удивительного. Хотя, конечно, как всегда, неожиданно.

– А знаешь, – задумчиво произнесла Маша, – в Египте сейчас плюс сорок. Можешь себе представить?

– Могу. И думаю, что плюс сорок – это не лучше снега. Забыла, как маялась в июле от духоты? А и было-то всего плюс тридцать три.

– Нет уж. Лучше пусть будет жара. И ты не сравнивай Египет и Москву. Там влажность, а у нас воздух сухой, оттого и кажется ещё жарче. Ненавижу зиму. Надо было переезжать в Краснодар.

– А там не бывает зимы?

– Бывает. Но не как у нас. Ветрено в январе, ну, и слякоть, конечно. Куда без неё. И снег выпадает. Но всё равно – осень тёплая, а весна начинается рано. Три месяца непогоды можно перетерпеть. А не шесть. Смотри – ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель, – Маша стала загибать пальцы. – Да октябрь ведь тоже чаще бывает не пойми что. И весь май то ветра́, то заморозки. Считай, что и все восемь месяцев на улицу без пальто не выйти.

– Что-то ты сегодня с утра разошлась не на шутку, – улыbnувшись, сказал Павел и выключил засвистевший чайник. – Я давно тебе говорю, взяла бы путёвку да поехала отдохнуть.

– Ой, Пашка, – простонала жена. – Не дави на больное. Тебя же ведь не затащишь. А одна я, сам знаешь, трусиха. Не могу. Я как врач, который лечит больных, а сам боится уколов. Втюхиваю путёвки молодым парам – и скрежещу зубами от зависти. Везёт же людям. Тут одна парочка, завсегдатаи

в нашем агентстве, по четыре раза в году катаются к морю. Откуда только у людей столько денег и свободного времени?

– Может, – предположил Павел, – сдают квартиру, которая досталась в наследство от покойной бабушки где-нибудь в центре. А если таких квартир две, то можно и по полгода жить в Черногории и нигде не работать.

– Не получится, – доедая Пашкин омлет, со знанием дела произнесла Маша. – В Черногории жизнь не дешёвая. На шестьдесят тысяч в месяц вдвоём особо не потусишь. Да чего считать чужие деньги? Раз могут люди, то и молодцы. Поехали вдвоём, Паш, а?

– Маша, ну не начинай опять. Какой там тебе со мной будет отдых? Одни заботы. Не понимаю, почему ты так боишься поехать одна.

– А ты не боишься?

– Так ездят же люди – и ничего. Тебе не шестнадцать лет.

– Ездят, Пашуль, а потом, знаешь, бывает, что возвращаются не одни.

– Ну ты же у меня не такая.

– Сегодня не такая, а там, глядишь, и голову от морского воздуха потеряю.

– Там вот, значит, чего ты боишься?

– Да шучу я, дурачок. Шучу. Ну на кого я тут оставляю тебя?

– Я уже большой мальчик. Справлюсь. На две недели продуктов хватит. А задницу себе подтереть, слава богу, ещё в

состоянии.

– Фу, Пашка. Ну не за столом же.

– Прости, – засмеялся Павел.

– Ладно, – закончив завтрак и поставив посуду в раковину, заключила супруга. – Пора мне собираться. Сегодня день будет тяжёлый.

– Слушай, – продолжая думать о затронутой теме, сказал Павел, – а ты подругу какую-нибудь с собой прихвати. С другой-то будет не так страшно.

– Ага, – усмехнулась Маша. – Все подруги мои с мужьями, кто ж их со мной отпустит. С чего бы вдруг? А другие все нищоброды, даже загранпаспорт не у всех есть. Нет, Паша, это не вариант.

– И всё же ты подумай. Кто-нибудь да найдётся.

Через полчаса жена закрыла за собой дверь. Павел помыл тарелки, выкурил сигарету и проехал в маленькую комнату к компьютеру. Это было что-то вроде его рабочего кабинета.

Пенсии по инвалидности, даже учитывая довольно приличную зарплату супруги, не хватало, чтобы оплачивать ипотеку. Вячеслав Константинович, бывший его тренер по плаванию, ещё пять лет назад уговаривал Павла открыть секцию для таких же инвалидов, как он, выбил даже для этого кое-какой бюджет. Но потом на более высоком уровне это дело забуксовало, а вскоре и у Константиныча случился инфаркт, после которого он пожил всего неделю и тихо ушёл из жизни, даже не успев попрощаться. Да Павлу особо и не хотелось

снова идти в бассейн, беречь душу воспоминаниями о годах своей удалой молодости. Но деньги зарабатывать как-то было необходимо. В обществе инвалидов предложили ему собирать патроны для лампочек. Проработал он там месяцев пять, пока сосед из тридцать седьмой не продал свою квартиру и не переехал жить в Петербург. С третьего этажа, где располагалась квартира Павла, он ещё мог задом потихонечку съехать вниз на своей японской коляске, но обратно подняться ему помогал этот уехавший сосед, Толик. Хороший мужик. Они возвращались со своих смен примерно в одно время, так что тому не составляло труда помочь Павлу. Жили они в обычной хрущёвке, хоть и новой, в которой лифта, разумеется, по проекту не предполагалось. Пришлось оставить работу и придумывать что-нибудь такое, для чего можно было бы не покидать пределы квартиры.

Вообще, удивительно, что страна, потерявшая во второй мировой больше всего людей и имевшая ещё больше вернувшихся с фронтов инвалидов, совершенно не позаботилась, отстраивая разрушенные города, о нормальной инфраструктуре, которая позволила бы лишившимся ног и рук ветеранам вести полноценную жизнь. Да она должна бы по логике вещей быть самой продвинутой в Европе в этом плане. Но ни начальство, ни здоровые советские люди, ни сами искалеченные войной, – никто даже не задумывался об этом. Ещё сам будучи чемпионом, Павел не сопоставлял этих простых фактов. Всё, казалось, устроено правильно и справед-

ливо, всё на своём месте, для каждого есть занятие, и с голоду, вроде как, никто не умирает. Теперь-то он столкнулся с реальностью лицом к лицу. И реальность эта была сурова. Всё в ней держалось исключительно на людской доброте и бескорыстии. На доброте самых простых соседей, знакомых и незнакомых, имена которых через сто лет даже никто не вспомнит.

Воскресив в памяти своё филологическое прошлое, он решил поискать работу на удалёнке. Порылся на сайтах работодателей, но подходящего ничего так и не отыскал; либо требовался многолетний писательский опыт, либо практика журналиста со знанием истории на уровне кандидата. Попался на глаза один сервис, где требовалось писать самые обыкновенные статьи на всевозможные темы: азартные игры, закон и право, домашние животные, религия, эзотерика и много чего ещё. За тысячу знаков платили обычно около ста рублей. Попробовал. Ничего сложного. Даже понравилось, хоть поначалу никто даже статей его не смотрел, не то чтобы покупать. Но когда количество их перевалило за сто, продажи сначала покапали, а потом и потекли ручейком. На жизнь стало хватать.

Павел открыл текстовый редактор, подумал недолго и напечатал название задуманной на сегодня статьи: «С капибарой не будет скучно». Почесал затылок. Нет. Лучше вот так: «Нескучная капибара». Всё равно что-то не то. Павел снова стёр заголовок. Курсор ожидающе замигал на белом полот-

не электронной страницы. Ещё полчаса назад, когда они беседовали с женой, мысли, казалось, переполняли Павла. Он точно знал, о чём хочет писать. А теперь вот сел – и словно выросла стена между ним и экраном. Еле-еле набрал абзац. И снова удалил текст. Может, сменить тему и написать о трудностях, которые испытывают в больших городах колясочники? Но никто не купит такую статью, никому она не нужна. Лучше о параде планет, о тринадцатом знаке Зодиака – Змееносце, о новой странной находке, сделанной марсоходом... Всё-таки рано выпавший снег будто охладил и его душу. Захотелось забраться под одеяло и забыть о работе. Такие минуты отчаяния в последнее время случались всё чаще. И заканчивались всегда одним и тем же – в сотый раз он прокручивал в памяти тот день, который разделил его жизнь на две не похожие друг на друга половинки. Словно это были два незнакомых друг с другом человека: молодой парень со страстным желанием покорить мир – и умудрённый опытом старец, видящий глубокие смыслы в самых заурядных вещах. Формально он вовсе не был, конечно, стар. Всего лишь каких-то тридцать лет – для нормального мужика самое время реализовываться в карьере. Но чувствовал он себя значительно старше. Когда у тебя трещина в позвоночнике и вдобавок неблагоприятный диагноз, когда ты месяцами замкнут в четырёх стенах, – тебе открываются совершенно иные смыслы, и принятие их происходит быстрее, поскольку ничто не отвлекает от созерцания.

В тот день, 18 апреля 1990-го года, они с другом Сергеем, как обычно, проводили время в бассейне. Это был не тренировочный день, и плавали они в своё удовольствие, дразня друг друга своими умениями: если Павел был превосходным пловцом, то Сергей два дня назад получил кандидата в мастера спорта по прыжкам с вышки. И в этом соперничестве Сергей всё же потенциально был победителем, и не потому, что плохо плавал (плавал он превосходно), а потому что Павел с детства боялся высоты. Сергей, зная об этой слабости своего друга, тем не менее всегда был с ним деликатен, старался не бравировать своим мастерством и даже поспособствовал тому, чтобы Павел научился бороться со своим страхом. Натренировавшись на трёхметровом трамплине, Павел время от времени рисковал прыгать и с пятиметровой вышки. Но вот на десятиметровую он мог только забраться и молча наблюдать за тем, как его друг, закручивая в воздухе немислимые пируэты, почти без брызг делает элегантный вход в воду. Стоило Павлу всего лишь подойти к краю этой вышки и посмотреть вниз, как голова его начинала кружиться, к горлу подступал ком и ноги делались непослушными. Мысль о том, чтобы совершить самый обыкновенный прыжок, без всяких акробатических элементов, казалась безумием, сравнимым с прыжком в бездну.

Тот апрельский день казался самым обыкновенным. Они немного поплавали, попрыгали с трамплина, побесились с ватерпольным мячом и под конец привычно забрались на

вышку. Только потом, много дней спустя, Павлу чудилось, будто предчувствие беды всё же мелькало в его сознании за несколько минут до рокового прыжка Сергея. Но он мог, конечно, это себе надумать, слишком въедливо разбирая в памяти каждое из мгновений, вроде того, что Сергей в тот день казался ему болезненно бледным и не смог ни разу обыграть его в поло. Он и к краю вышки подходил с какой-то неуверенностью, не свойственной ему никогда раньше. Прыжок, неуклюжее движение рукой – и голова Сергея гулко ударяется о самый край вышки. Он беспомощно барахтается в воздухе, пытаясь в первые мгновения выровнять свой полёт. Но всё напрасно. Он плюхается со всей дури о воду и всплывает спиной кверху. Видимо, потерял сознание. Павел в те секунды забыл о своём страхе. Спускаться вниз по лестнице было бы слишком долго. Сергея требовалось вытаскивать из воды немедленно. Да, он-то забыл о страхе и прыгнул, не раздумывая, вниз. Но вот страх, живущий в нём от рождения, вовсе никуда не уходил из подсознания и просто-напросто отключил его мозг, когда Павел ещё не успел сгруппироваться. Удар о воду пришёлся всей поверхностью спины. Позвоночник не выдержал. Ничего этого Павел, разумеется, не помнил. Все последующие события он знал только со слов Сергея. Тот очнулся в воде в тот миг, когда его друг уже оторвался от вышки. Он осторожно вытащил его из бассейна и вызвал скорую. Вот так они поменялись ролями – спасителя и спасённого. Поначалу Сергей сильно переживал, считая себя виновни-

ком такого несчастья. Это Павел должен был его спасти, и всё закончилось бы тогда чистейшим триумфом дружбы. Да даже если бы тот испугался и не стал прыгать – и в этом случае все остались бы живы и здоровы и ни у кого не возникло бы друг к другу никаких претензий. Но случилось так, как случилось. И назад уже ничего не вернёшь. Павел принял своё новое положение мужественно, чего от него никто почему-то не ожидал. Все помнили его дерзким, настойчивым и жизнелюбивым. Боялись, что он сломается, озлобится на себя и на весь мир. Накручивали себя, говорили странные вещи, словно ребёнку, не понимающему, почему он родился не таким, как все. Но страхи друзей и близких оказались напрасными. Павел остался таким же жизнелюбивым, искренне не считавшим никого виноватым в таком повороте своей жизни. И все увидели это и успокоились. Даже Сергей изгнал из себя это дурацкое чувство вины и был по-настоящему рад, когда Маша вышла, несмотря ни на что, замуж за Павла. Она Сергею всегда нравилась в институте, одно время он даже ухаживал за ней, пока не появился Павел. Девушка предпочла Павла. И Сергей не затаил обиды, не интриговал, даже спяну ни разу не обмолвился об этой своей неудаче. И всё же с годами несколько отдалился от друга. В гости стал заходить всё реже, телефонные разговоры их становились короче. Сергей продолжал жить холостяком, забросил большой спорт, предпочтя тренерскую деятельность в группе для малышей, и к тридцати двум годам облысел, отчего обнажил-

ся его шрам, оставленный 18 апреля 1990-го года той злополучной вышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.